

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-3-529-555
УДК 297:94(470)

Original Paper
Оригинальная статья

«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...» (Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

Р.И. Беккин^{1,2а}

¹Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Африки РАН, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3919-1097>, e-mail: bekkin@mail.ru

Резюме: 1930-е годы в Советском Союзе были тяжелым периодом для всех религиозных сообществ, в том числе и для мусульман. Повсеместное закрытие мечетей и репрессии против религиозных деятелей происходили во всех без исключения регионах. История татаро-мусульманской общины Ленинграда в рассматриваемый период практически не изучена. Вызывает интерес вопрос о том, как в условиях нарастающего давления со стороны властей мусульмане сохраняли контроль над мечетью вплоть до 1940 г. В статье рассматриваются стратегии, которые использовали чиновники Ленгорсовета и других государственных органов власти для снижения религиозной активности мусульман. Особое внимание уделяется ремонту ленинградской Соборной мечети, послужившему одним из основных предлогов для изъятия этого культового здания из пользования верующих.

Ключевые слова: ленинградская Соборная мечеть; Ленгорсовет; ислам в СССР; мусульмане в СССР; татары в Ленинграде; «двадцатка»

Для цитирования: Беккин Р.И. «Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...» (Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.). *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(3):529-555
DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-529-555

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

"Muslim mosque as a house of worship to be closed off..." (The Cathedral Mosque of Leningrad in 1932–1940s)

R.I. Bekkin^{1,2a}

¹*Institute of Oriental Studies at Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, the Russian Federation*

²*Institute for African studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3919-1097>, e-mail: bekkin@mail.ru

Abstract: The 1930s were a troublesome period for all religious communities in the Soviet Union. Muslims were not an exception. The widespread closure of mosques and repressions against religious leaders took place in all regions of the country. The history of the Tatar-Muslim community of Leningrad in 1930s has not been properly researched as yet. It would be interesting to know how Muslims managed to maintain control over the mosque until 1940 despite growing pressure from the authorities. The article examines the strategies used by officials of Leningrad City Council (Lengorsovet) and other state authorities to reduce the religious activity of Muslims. The article centres around the restoration of the Cathedral Mosque of Leningrad which served as one of the main pretexts for the closure of the mosque.

Keywords: Cathedral Mosque of Leningrad; Leningrad City Council of Worker Deputies (Lengorsovet); Islam in the USSR; Muslims in the USSR; Tatars in Leningrad; “twenty” (“dvadtsatka”)

For citation: Bekkin R.I. “Muslim mosque as a house of worship to be closed off...” (The Cathedral Mosque of Leningrad in 1932-1940s). *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(3):529-555 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-529-555

Введение

В истории мусульманской общины Ленинграда 1930-е годы являются одним из наименее изученных периодов. В поле зрения ученых оказались отдельные события, произошедшие в начале этого десятилетия, а именно – два уголовных дела 1931 и 1932 гг., в ходе которых были арестованы не только официальные имамы, но и незарегистрированные служители культа (т.н. «бродячие муллы») [1, с. 88–102; 2, с. 82–90; 3, с. 148–156; 4, с. 1058–1072; и др.]. Подверглись аресту также члены органа управления при мечети – «двадцатки» (приходского совета). Большая часть этих людей уже не смогла вернуться в Ленинград по истечении срока заключения в лагере или после окон-

Беккин Р.И.

«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

чания ссылки. Многие были арестованы вторично, другим удалось избежать ареста, но к своей прежней деятельности они уже не возвращались¹.

После того, как в мае 1932 г. были арестованы *имам-хатиб* ленинградской Соборной мечети Мухаммед-Сафа Баязитов и 26 человек активных прихожан мечети (в т.ч. членов «двадцатки»), мусульманская община Ленинграда фактически была разгромлена [4, с. 1058–1072]. В результате на должности имама оказывались случайные люди, не имевшие необходимой подготовки и не обладавшие качествами религиозного лидера. То же самое можно сказать и о «двадцатке», в рядах которой иногда оказывались люди, больше беспокоившиеся о собственном материальном благополучии, чем об экономическом положении общины и поддержании в должном виде здания мечети. Если же на должность имама или председателя «двадцатки» приходил деятельный человек, пользовавшийся авторитетом среди верующих, то его в скором времени «нейтрализовывали» с помощью карательных органов, и он отправлялся в лагерь или ссылку.

Значительная часть архивных материалов по интересующей нас теме представляет собой акты и другие документы, связанные с проверкой состояния мечети инспектирующими органами (межведомственными комиссиями). Во всех этих документах подтверждается, что «двадцатка» не смогла выполнить в полном объеме требования по ремонту мечети.

Много раз комиссии, инспектировавшие состояние мечети (иногда несколько раз в течение года), поднимали вопрос о расторжении договора аренды с мусульманским обществом (т.е. «двадцаткой»). Это означало бы закрытие мечети для богослужений и передачу ее какому-нибудь учреждению. Однако осуществить это намерение партийным и государственными органами власти удалось только в июне 1940 г.

В центре внимания в данной статье – отношения между мусульманами, с одной стороны, и партийными и государственными органами власти Ленинграда, с другой, в эпоху Большого террора и в предшествовавшие ему годы по вопросам, касающимся функционирования Соборной мечети как центра религиозной и культурной жизни татаро-мусульманской общины города на Неве.

¹ Бывали, впрочем, и исключения. Например, *имам-хатиб* ленинградской Соборной мечети в 1921–1931 гг. Якуб Халеков (Халиков) после освобождения из лагеря в 1937 г. проживал в Средней Азии, а в 1947 или 1948 г. переехал в Орехово-Зуево, где по приглашению местных татар выполнял функции неофициального муллы (подробнее об этом см.: [2, с. 88]).

Уголовные дела 1931–1932 гг. и их последствия для мусульманской общины Ленинграда

Вопрос о том, что мусульман Петрограда необходимо лишить возможности пользоваться зданием Соборной мечети, поднимался партийным руководством города уже в начале 1920 г. Как можно было заключить из имеющихся материалов, основанием послужило то обстоятельство, что мечеть не использовалась для регулярных богослужений. Это было связано с тем, что в здании еще не были завершены отделочные работы, прерванные Первой мировой и Гражданской войнами. В результате мусульмане Петрограда вынуждены были в экстренном порядке закончить внутреннюю отделку мечети, чтобы сохранить право пользования ею².

На протяжении 1920-х гг. различные партийные и государственные органы власти и общественные организации поднимали вопрос о закрытии мечети. Мусульмане Ленинграда воспринимали возникавшие угрозы всерьез. Перед глазами у них была история мечети в Кронштадте. Располагавшаяся с 1870 г. в ветхом деревянном двухэтажном здании мечеть была изъята из пользования верующих в результате активных и целенаправленных действий различных органов власти, в том числе военной администрации города-порта³.

Партийное руководство Ленинграда использовало разные стратегии для снижения религиозной активности мусульман и ликвидации самой общины. В частности, предпринимались попытки закрытия мечети (а значит, и ликвидации общины как юридического лица) руками самих татар из числа коммунистов. Так, 2 марта 1930 г. было проведено экстренное заседание Антирелигиозной комиссии⁴ совместно с активом татарской секции, работавшей при Доме просвещения народов Востока. В протоколе первого заседания ко-

² Вот что писал о событиях 1920 г. муфтий ЦДУМ Галимджан Баруди: «Из Петрограда приехал мухтасиб, мулла Латифулла-эфенди... Из петроградских новостей: поскольку возникла угроза, что отберут новую мечеть, ее спешно открыли и стали проводить в ней пятничные молебствия» [5, с. 76]. Упоминаемый Латифулла-эфенди – Лутфулла Исхаков (ум. 1925), имам 4-го (неофициального) магометанского прихода в Санкт-Петербурге (1906–1912 гг.).

³ В 1926 г. из Кронштадта выслали имама и четырех членов приходского совета. В 1927 г. командир порта предъявил мечети иск на тысячу рублей для погашения задолженности по арендной плате. 27 ноября 1927 г. мечеть выселили из занимаемого здания, а доходы от проданного имущества были направлены в казну. Подробнее об истории военно-морской мечети в Кронштадте см.: [6, с. 238–245].

⁴ В одном из документов данная комиссия названа Комиссией по проведению работы по закрытию мечети (Следственное дело № 111999 по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халековым Якубом (в оригинале опечатка: Якубой. – Р.Б.) и Басыровым Кемалем. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности (далее – УФСБ) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-74704. Т. 2. Л. 251).

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

миссии говорилось, в частности, следующее: «Муса Бигеев⁵ ведет усиленную пропаганду против закрытия мечети, а потому нам необходимо принять срочные меры, чтобы добиться немедленного закрытия мечети»⁶.

Но для того чтобы закрыть мечеть, недостаточно было одного лишь аргумента, что она служит центром религиозной активности граждан. Напротив, наличие большого числа прихожан служило очевидным подтверждением тому, что мечеть необходима значительному числу мусульман, проживавших в Ленинграде. Соборная мечеть продолжала служить центром религиозной и культурной жизни татар города. На пятничные и праздничные молитвы (в дни праздников Ураза – и Курбан-байрам), как и в предыдущие годы, собиралось от 5 000 до 7 000 человек. Это были в основном мужчины старшего и среднего возраста, рабочие и служащие. Закрытие мечети в такой ситуации выглядело бы как открытое нарушение прав трудящихся.

Несмотря на мощную атеистическую пропаганду и борьбу с религией, усилившуюся в конце 1920-х гг., для того чтобы закрыть культовое здание, требовались определенные правовые основания. В соответствии с постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» – основным нормативно-правовым актом, регулировавшим деятельность религиозных объединений в РСФСР до 1990 г., закрыть навсегда или временно церковь или молитвенный дом можно было по следующим основаниям: 1) если действующее на территории РСФСР ко дню издания указанного постановления религиозное объединение не прошло в годичный срок регистрацию по месту своего нахождения в соответствии с установленным порядком, 2) если молитвенное здание находилось в ветхом состоянии и существовала угроза его полного или частичного обрушения.

Согласно ст. 29 постановления «О религиозных объединениях» в договоре, который верующие обязаны были заключить с городским советом или районным исполнительным комитетом, должны были перечисляться следующие обязанности лиц, принявших здание культа и имущество в пользова-

⁵ Бигиев (Бигеев) Муса Джарулла (1871–1949) – мусульманский богослов, просветитель, общественный деятель. Формально не занимавший никакой должности при мечети, Бигиев был для многих татар не только Ленинграда, но и соседней Финляндии непререкаемым духовным лидером. Подробнее о Бигиеве см., например: [7, с. 227–235; 8, с. 40–55].

⁶ Следственное дело № 111999 по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халековым Якубом и Басыровым Кемалем. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-74704. Т. 2. Л. 251.

ние: «а) хранить и беречь его, как вверенное им государственное имущество; б) производить ремонт зданий культа, а также нести расходы, связанные с владением и пользованием этим имуществом, как то: по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов, местных сборов и т.п.; в) пользоваться этим имуществом исключительно для удовлетворения религиозных потребностей; г) возместить ущерб, причиненный государству порчей или недостатчей имущества; д) иметь у себя инвентарную опись всего культового имущества, в которую вносить все вновь поступающие (путем купли, пожертвований, передачи из других молитвенных зданий и т.п.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан, и исключить из описи с ведома и согласия того исполнительного комитета или Совета, с которым заключен договор, предметы, пришедшие в негодность; е) беспрепятственно допускать во всякое время, за исключением того времени, в течение которого производится совершение религиозных обрядов, уполномоченных городских советов или районных исполнительных комитетов или сельских Советов к периодической поверке и осмотру имущества»⁷.

Таким образом, для того чтобы закрыть Соборную мечеть в Ленинграде для богослужений, требовалось либо заключение специальной комиссии о том, что здание находится в ветхом состоянии и угрожает безопасности людей, либо невыполнение верующими обязательства по ремонту, либо отсутствие самого легитимного органа, с которым заключается договор, т.е. «двадцатки». Поэтому в дальнейшем городские власти, стремившиеся закрыть мечеть, использовали именно эти два предлога. Тем более, что для этого имелись основания: мусульмане действительно не выполняли в полной мере обязательства по ремонту и не всегда могли сформировать полноценную «двадцатку». Кроме того, большую часть времени с 1932 по 1940 г. мечеть функционировала без имама. Подобная ситуация возникла не в результате злого умысла со стороны мусульман, а явилась результатом целенаправленной политики партийных и государственных органов власти, использовавших политическую полицию ОГПУ, а затем соответствующие подразделения НКВД для нейтрализации наиболее активных и авторитетных представителей мусульманской общины Ленинграда.

Поводом для первого уголовного дела, направленного против мусульман Ленинграда, послужило бегство за границу мусульманского богослова

⁷ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г. цитируется в редакции от 1 января 1932 г.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

Мусы Бигиева в ноябре 1930 г. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. были арестованы имамы Якуб Халеков и Кемаль Басыров, а также члены «двадцатки» при мечети. В результате 23 человека были осуждены на разные сроки, а в отношении семьи Бигиева дело было выделено в отдельное производство⁸. Это позволило ОГПУ убить сразу двух зайцев: «нейтрализовать» авторитетных имамов и оборвать связи татар Ленинграда с их земляками в Финляндии, тем самым серьезно подорвать материальную базу мечети.

В 1920-е гг. мечеть продолжала функционировать и исправно выплачивать налоги в пользу государства благодаря финансовой помощи татарских торговцев («халатников» или «халатчиков», как их именовали в советских документах 1920–1930-х гг.). Не менее значимую помощь мусульманской общине Ленинграда оказывали татары, проживавшие в Финляндии. Многие из них имели родственников в городе на Неве. Вплоть до начала 1930-х гг. Ленинград и Финляндия для татар, выходцев из нижегородских сел, представляли собой единое культурное пространство. Независимость Финляндии, провозглашенная в декабре 1917 г., не прервала существовавшие с конца XIX в. связи между татарами, проживавшими в городах Финляндии – Хельсинки, Териоках, Выборге и др., с их единоверцами и земляками в Ленинграде. Границу легально и нелегально пересекали различные лица, привозившие с собой не только письма, но также денежные средства и драгоценности. На эти деньги содержались имамы, погашались расходы, связанные с функционированием мечети⁹.

После арестов в феврале 1931 г. община смогла достаточно быстро восстановиться. Уже в том же 1931 г. к обязанностям *имам-хатиба* приступил Мухаммед-Сафа Баязитов (1877–1937), последний муфтий Российской империи. Обязанности председателя «двадцатки» продолжал выполнять Билял Рахимов, избежавший в феврале 1931 г. ареста. Очередной удар по мусульманам Ленинграда был нанесен в следующем году. В результате проведенных в мае 1932 г. арестов мусульманская община города осталась без имама и без эффективно работавшей «двадцатки», которая могла бы обеспечивать функционирование мечети и выполнение обязательств перед государством.

⁸ Обвинительное заключение по следственному делу № 111999 по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом и Басыровым Кемалем, в пр. пр. ст. 58–4 УК. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. П-74704. Т. 2. Л. 394.

⁹ Подробнее о связях татар Ленинграда и Финляндии см.: [9].

Казалось бы, теперь закрытие мечети было вопросом ближайшего времени. Ее материальная и идеологическая база была подорвана, но ленинградские мусульмане в таких условиях смогли еще 8 лет противостоять давлению властей и обеспечивать функционирование Соборной мечети в качестве центра своей религиозной и культурной жизни. В условиях Большого террора это был настоящий подвиг.

Проблема регистрации служителей культа при мечети

Как было отмечено выше, по уголовному делу в мае 1932 г. был арестован не только *имам-хатиб* мечети М.-С. Баязитов, но и неофициальные (незарегистрированные) муллы. Это не означает, что в городе после этого не осталось людей, которые могли бы выполнять функции муллы или муэдзина. В результате коллективизации и раскулачивания в Ленинград прибыло немало людей, получивших в свое время образование в медресе или имевших опыт работы муллами в своих деревнях¹⁰.

Почему же тогда после 1932 г. мечеть почти четыре года оставалась без имама? Можно отметить две основные причины. Во-первых, значительная часть бежавших от коллективизации бывших мулл находилась в Ленинграде на полуполюгальном положении и меньше всего хотела привлекать к себе внимание органов власти. Во-вторых, после двух уголовных дел 1931 и 1932 гг., жертвами которых стали служители исламского культа, никто не хотел подвергать себя риску быть арестованным. С началом безбожных пятилеток большевики уже не скрывали своего намерения решительно бороться с любыми проявлениями религии. Поэтому каждый служитель культа автоматически становился мишенью для карательных органов. Должность имама ничего не давала и в материальном плане: напротив, он обязан был выплачивать высокий подоходный налог и культсбор.

Согласно действовавшему в СССР законодательству о культах, имам и другие служители культа не должны были заниматься хозяйственными вопросами. Они были наемными работниками, которых нанимала «двадцатка»

¹⁰ О значительном числе служителей исламского культа, оставшихся без работы, писал в письме к председателю Постоянной комиссии по культовым вопросам при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу в начале 1930-х муфтий Центрального духовного управления мусульман в Уфе Ризаэтдин Фахретдин: «По случайно доходящим до ЦДУМ сведениям можно установить лишь приблизительно, что из 12000 слишком подведомственных ЦДУМ приходов и мечетей 10 000 закрылись, число же мулл и муэззинов, не состоящих в данное время в своих должностях, в зависимости от местности, выражается от 90–97 % бывшего до сего времени числа их» [10, с. 71].

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

для проведения религиозных обрядов. Однако фигура имама имела значение в том числе и для хозяйственных дел. Выше было отмечено, что в 1920-е гг., благодаря авторитету негласного лидера мусульманской общины Ленинграда Мусы Бигиева, а также *имам-хатиба* Якуба Халекова, мечеть получала щедрые пожертвования как от ленинградских верующих, так и от татар, проживавших в Финляндии. Поэтому репрессии властей были направлены на то, чтобы лишить мусульман города авторитетных религиозных деятелей. После бегства за границу Бигиева, ареста имамов Халекова, Басырова, Баязитова и других эта задача была в целом решена.

К сожалению, пока не установлено, кто выполнял функции *имам-хатиба* в ленинградской Соборной мечети в период с 1932 по 1936 гг. Возможно, это был кто-то из членов «двадцатки». В 1936 г. из Москвы в Ленинград прибыл утвержденный Центральным духовным управлением мусульман (ЦДУМ) на должность муэдзина Искандер Жалялетдинов¹¹. Фактически он совмещал функции имама и муэдзина. Возможно, что его предшественником был Семиулла (Самигулла) Ахтямов, который еще в 1914 г. начал служить муэдзином при мечети¹².

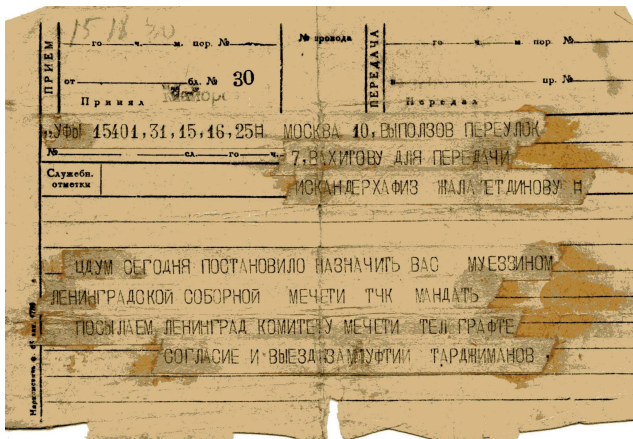

Рис. 1. Телеграмма и.о. муфтия К. Тарджеманова И. Жалялетдинову, 1936 г. (Из фондов ГМИР)

Fig. 1. Telegram from acting mufti Kashshaf Tardzhevanov to Iskander Zhalyaletdinov, 1936 (Courtesy of the State Museum of the History of Religion)

В начале и в середине 1930-х гг. мусульманские религиозные деятели, как правило, не встречали серьезных препятствий при утверждении в качестве служителей культа властями города. Но после того, как очередной имам

¹¹ В документах встречаются разные варианты написания фамилии этого служителя культа: например, Жалыльдинов.

¹² Это утверждение содержится в словаре «Ислам в Петербурге», однако не вполне ясно, насколько оно достоверно [11].

(или лицо, выполнявшее его функции) был либо арестован, либо по другой причине не мог проводить богослужения, найти нового муллу становилось все сложнее и сложнее. Во второй половине 1930-х гг. тактика инспекторов по делам культов¹³, курировавших деятельность мечети, поменялась. Даже когда мусульманам удавалось найти нового человека, способного выполнять работу имама, администрация Петроградского райсовета не спешила утверждать его в должности. Таким образом, служитель культа не имел права проводить обряды, а мечеть в отсутствие официально зарегистрированного муллы подлежала закрытию, так как представляла собой, с точки зрения властей, место незаконного собрания верующих.

Вместе с тем ответственные за взаимодействие с религиозными объединениями чиновники в Петроградском райсовете и в Ленсовете¹⁴ хорошо понимали, что уровень религиозности среди мусульманских масс высок, и если не позволять им иметь официального имама, то обряды будут проводить неофициальные («бродячие») муллы, которых сложнее контролировать. Так, инспектор по делам культов Петроградского райсовета Г.К. Кузьмин писал вышестоящему начальству 25 июля 1936 г.: «Адмсектор Петроградского районного совета доводит до В[ашего] сведения и просит принять соответствующие меры над двадцаткой мечети, которая производит моления по пятницам без [в оригинале – буз] муллы, и такового заменяют сами, а потому я считаю совершенно незаконно, и никаких санкций на проведение молений мною не давалось, но двадцатка продолжает самовольно проводить моления, а потому прошу срочно принять меры»¹⁵.

То, что функции имама с 1932 по 1940 г. в основном выполняли лица, имевшие лишь свидетельство муэдзина, не было случайностью. Это было своего рода компромиссным решением: с одной стороны, мусульмане получали служителя культа, то есть лицо, имевшее законное право (по мнению чиновников) проводить обряды, с другой – его статус был ниже, чем *имам-*

¹³ После принятия в 1930 г. постановления ВЦИК «О постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов» функции заведующих районными столами регистрации религиозных объединений (т.н. церковных столов) стали выполнять инспекторы по делам культов.

¹⁴ С декабря 1936 г. Ленинградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ленсовет) был переименован в Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся (Ленгорсовет).

¹⁵ Дело по наблюдению за деятельностью мусульманской Соборной мечети и о закрытии ее (22 апреля 1932 – 8 мая 1940). ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 31.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

хатиба и фактически ограничивался исключительно проведением основных обрядов.

Городские власти не были заинтересованы в том, чтобы служители культа пользовались авторитетом среди верующих и могли выступать в качестве лидера, консолидирующего мусульман Ленинграда. Поэтому лица, выполнявшие роль муллы, работали в мечети недолго. Муэдзин Искандер Жалылетдинов прослужил в мечети около года – со второй половины 1936 по начало 1937 г., после чего был арестован органами НКВД.

Жалылетдинова сменил также имевший свидетельство муэздина Абдурахман Хасанов. Он проработал также меньше года – до декабря 1937 г. Затем почти два года в мечети опять не было имама. Службы проводил, очевидно, кто-то из прихожан, возможно, членов «двадцатки». Наконец в сентябре 1939 г. в качестве муллы был утвержден Рафик Хусаинов. Но и он пробыл на этой должности всего полгода. Последним, кто выполнял функции имама в мечети, был, согласно имеющимся данным, Гайса Исхаков. Он получил свидетельство от ЦДУМ 28 января 1940 г. и имел право работать муэздином. Но инспектор сектора адмнадзора общего отдела Ленгорсовета А.В. Татаринцева отказывалась утверждать его в должности.

К началу 1940 г. партийными и государственными органами власти Ленинграда уже, по-видимому, было принято окончательное решение о закрытии мечети, и наличие официального имама не вписывалось в эти планы. Задачу облегчало то, что количество прихожан мечети сократилось. Наиболее активные мусульмане попали под жернова репрессий в годы Большого террора. А осенью 1939 г. началась Советско-финляндская война, и часть прихожан отправилась на фронт. В результате к моменту принятия решения о закрытии мечети в «двадцатке» осталось около десяти человек. О положении этого органа управления в рассматриваемый период следует сказать особо. Именно «двадцатка» в лице своего председателя, а не имам, взаимодействовала с органами государственной власти. От приходского совета контролирующие органы требовали выполнения взятых на себя мусульманской общиной обязательств, в том числе по ремонту мечети.

«Двадцатка» и ремонт мечети

В рассматриваемый период «двадцатка» должна была обеспечивать, помимо прочего, выплату установленных налогов и других платежей, а так-

же осуществлять ремонт здания мечети и служебного флигеля. Например, в 1933 г. общая сумма задолженности мечети по налогу на строение и земельной ренте составила 9000 руб. «Двадцатка» смогла выплатить только половину этой суммы. Кроме того, с мечети причиталось 17 065 руб. 05 коп. в качестве сбора за асфальтирование прилегающего участка¹⁶. По данным на 15 июня 1937 г., за мечетью числился долг 3326 руб., включавший налог на строение (2366 руб.) и земельную ренту (990 руб.)¹⁷.

Еще больших затрат требовал ремонт. Проводившие инспекцию межведомственные комиссии составляли в 1935–1940 гг. акты, в которых отмечали невыполнение «двадцаткой» обязательств по ремонту мечети и прилегавшего к ней флигеля. Так, в составленном 3 декабря 1935 г. акте межведомственной комиссии, куда входили представители Петроградского райсовета, государственной санитарной инспекции, члены «двадцатки» и др., отмечалось, в частности, следующее: «Ни одного из предъявленных актом от 16 мая 1935 г. требований двадцаткой мечети полностью не выполнено... Здание мечети и дворовый флигель разрушаются. Стены и своды в ряде мест пропитаны сыростью от неисправных паропроводов и крыши, крыши не в порядке, фасады и майоликовая облицовка куполов и стен не ремонтируются и от атмосферных влияний продолжают разрушаться, не устраняются даже дефекты, создающие угрозу в пожарном отношении, как напр. – переделка 6 метрового железного рукава и печи и не требующие затрат (установка маяков на трещинах)»¹⁸. В заключении акта комиссии делался вывод: «... имея в виду, что в результате изложенного, здание мечети усиленно амортизируется, считать недопустимым оставление в дальнейшем управление громадной ценности имуществом в руках двадцатки»¹⁹. Но тогда мусульманской общине удалось отстоять мечеть.

В других актах, составленных в последующие годы, подробно перечислялись невыполненные работы. В частности, в акте межведомственной комиссии от 11 мая 1936 г. от «двадцатки» в срочном порядке требовалось выполнить следующие действия: 1) восстановить мозаиковую облицовку главного портала, верхнюю часть минаретов, купола и парадный вход; 2) перекрыть юго-западную и северо-западную часть крыши, а также парапет;

¹⁶ Переписка Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (1931–1935). Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 989. Л. 177.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 66.

¹⁸ Там же. Л. 18.

¹⁹ Там же.

Беккин Р.И.

«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

3) окрасить всю кровлю (два раза); 4) отремонтировать и окрасить водосточные трубы; 5) заделать раствором швы гранитной облицовки; 6) окрасить масляной краской (два раза) решетки окон; 7) восстановить внутри мечети паркетный пол, удалив временные заделки досками; 8) реставрировать деревянную мозаику дверей; 9) остеклить световые фонари и окна; 10) восстановить гранитную облицовку на фасаде парапета, тем самым ликвидировать угрозу общественной безопасности; 11) восстановить образовавшуюся трещину в арке над центральными хорами в месте примыкания ее к сводам; 12) капитально отремонтировать систему центрального отопления; 13) проверить состояние котлов и дать им необходимый ремонт; 14) в мечети произвести частичную штукатурку и перетирку стен и сводов; 15) в мечети произвести отделочные работы – окраску стен и сводов²⁰.

В очередном акте от 11 января 1937 г. отмечалось, что предписанные комиссией работы либо не закончены (восстановление мозаичной облицовки главного портала, верхней части башен-минаретов и парадного входа и др.), либо произведены небрежно (ремонт купола и др.), либо совсем не выполнены (не остеклены фонари и окна и др.)²¹

В последовавших за тем актах межведомственных комиссий продолжали фиксироваться недочеты при проведении ремонтных работ. При этом от «двадцатки» требовалось осуществить не только ремонт, но и художественную реставрацию отдельных элементов декора как снаружи, так и внутри мечети. Так, в акте от 19 ноября 1938 г. отмечалось, в частности, что «ремонт купола произведен неправильно, заделан цементной черепицей без соблюдения художественного рисунка существующей глазированной черепицы», «оконные переплеты не остеклены художественным стеклом», «не проведена реставрация художественных дверей здания мечети» и др.²²

В акте от 5 декабря 1939 г. утверждалось, что большая часть работ по-прежнему не выполнена или выполнена ненадлежащим образом²³.

Кроме того, каждый раз при оценке состояния мечети комиссия предъявляла «двадцатке» внушительный список действий, которые необходимо осуществить при ремонте дворового флигеля. Во всех последующих актах оценка состояния флигеля неизменно приводилась наряду с перечнем необ-

²⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 24.

²¹ Там же. Л. 54.

²² Там же. Л. 75.

²³ Там же. Л. 78.

ходимых ремонтных работ в мечети. Этот двухэтажный кирпичный дом, известный как Дом для омовений, был возведен в 1911–1912 гг. главным архитектором мечети Н.В. Васильевым и сохранился до наших дней. В доме было предусмотрено центральное отопление, электричество, водопровод и канализация.

Собственно для омовений использовался первый этаж здания. Умывальни и туалеты занимали площадь около 100 кв. м. На втором этаже находились квартиры. Там далеко не всегда проживали люди, имевшие отношение к мечети. Так, по данным на февраль 1936 г., во флигеле проживали следующие лица: 1) Абдрахман Булатов с семьей в отдельной квартире двухкомнатной и с кухней (общей площадью 23 кв. м). Булатов, в 1932–1935 гг. занимавший должность председателя «двадцатки», в 1936 г. работал на картографической фабрике и с мечетью не был связан²⁴. 2) Хасан Гембицкий (Гембицкий) с семьей (всего 3 человека) занимал комнату площадью 12 кв. м. Гембицкий работал в отделе очистки и к мечети также не имел отношения. 3) Муэдзин с семьей (всего 3 человека) занимал двухкомнатную квартиру с кухней (21 кв. м). 4) Ялышев²⁵ с семьей (всего 6 человек) проживал в комнате площадью 40 кв. м. Ялышев работал в тресте «Похоронное дело» и к мечети отношения не имел. 5) Дворник мечети проживал в дворницкой (12 кв. м.)²⁶. При такой перенаселенности флигель также находился в состоянии, требовавшем срочного ремонта. Центральное отопление в здании было в нормальном состоянии, но не эксплуатировалось. Для обогрева помещений использовались временки²⁷. Комиссия поставила вопрос об изъятии дома из ведения «двадцатки»²⁸.

В неправильной эксплуатации здания мечети были, безусловно, виноваты и сами мусульмане, но лишь отчасти. Основная вина лежала на арендаторах. Так, в 1932 г. подвалы мечети стали использоваться под склад овощей.

²⁴ После того как Булатов был в 1935 г. снят с должности председателя «двадцатки» и был обвинен в краже денег прихожан, были собраны подписи о выселении его с занимаемой им и его семьей жилплощади в доме при мечети. Но по какой-то причине Булатову удалось остаться во флигеле. По крайней мере, на следующий год он с семьей по-прежнему проживал в указанной квартире (Дело о закрытии Соборной мечети (май 1935 – 3 февр. 1941). ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 75).

²⁵ Не совсем понятно, о каком Ялышеве идет речь: о Хасане или Ибрагиме, в разные годы входивших в «двадцатку».

²⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 19.

²⁷ Там же. По данным на май 1937 г. большая часть упомянутых лиц продолжала проживать во флигеле (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 219).

²⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 80.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

Здесь важно отметить, что сама мечеть не получала от этой аренды никаких доходов, а напротив, терпела убытки. Деньги за аренду поступали в Петроградский райсовет и не могли быть использованы на оплату ремонтных работ или выплату налогов. Согласно договору от 14 июля 1936 г. между Петроградским райсоветом и Плодоовощной базой №4, последней передавалось 4 подвальных помещения под мечетью площадью 250 кв м. Арендная плата составляла 1000 руб. в год²⁹. Пользование указанными помещениями разрешалось во все дни и часы, за исключением того времени, когда в мечети проходило богослужение.

Нахождение в подвальных помещениях склада создавало препятствия для нормального функционирования мечети. В заявлении, которое в декабре 1935 г. «двадцатка» подала в Ленжилуправление, отмечалось, что осуществлять полноценно отопление мечети не представлялось возможным, поскольку трубы отопления проходили через подвал, где хранился картофель. В то же время, арендатор настаивал, что температура в подвале не должна была превышать 2 градусов по Цельсию. Мусульмане требовали от Петроградского райсовета расторгнуть договор с базой³⁰. В начале 1937 г. подвалы мечети были освобождены³¹. Администрация Петроградского района стала рассматривать вопрос о передаче помещений мечети под столярные мастерские тресту «Похоронное дело»³².

В такой непростой ситуации, когда от «двадцатки» зависела судьба мечети, городские власти делали все, чтобы «нейтрализовать» и изолировать наиболее эффективных руководителей этого органа. Так, по делу 1932 г. был арестован Биалал Рахимов, председатель «двадцатки» с 1926 по 1932 гг. Во многом благодаря этому человеку хозяйственные и административные дела мечети в целом не давали властям города поводов для вмешательства³³.

В дальнейшем «двадцатку» возглавляли разные люди, но никто из них уже не мог в сложившихся условиях обеспечить выполнение мечетью обязательств перед государством в полном объеме. Во второй половине 1930-х гг. мусульманской общине и Петроградскому райсовету не всегда удавалось найти необходимое количество человек для участия в работе «двадцатки». Ос-

²⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 56.

³⁰ Там же. Л. 112.

³¹ Там же. Л. 213.

³² Там же. Л. 123.

³³ Подробнее о Б. Рахимове см.: [4, с. 1058–1072].

новой причиной нежелания вступать в приходской совет мечети был страх. Все помнили, что происходило в 1931–1932 гг., когда большая часть членов «двадцатки» была арестована. Инспектор по религиозным культам при президиуме Петроградского райсовета вынужден был в июле 1936 г. давать объявление, призывавшее мусульман вступать в «двадцатку». В конце объявления было указано, что по окончании семидневного срока в случае неукomплектования «двадцатки» будет поднят вопрос о расторжении договора аренды здания мечети с мусульманским обществом (т.е. мусульманской общиной)³⁴.

Тяжелое положение, в котором находилась мусульманская община Ленинграда, пребывавшая в условиях усиливавшегося давления со стороны государства, создавало почву для злоупотреблений. Не раз обвинялись в кражах члены «двадцатки». Так, на заседании 19 июня 1935 г., помимо прочего, обсуждался вопрос о хищении общественных денег, в котором обвинялся председатель «двадцатки» Абдрахман Булатов («во время подсчета денег со стола украл собранные деньги прихожан и положил в карман»)³⁵. Решили передать заявление о краже в уголовный розыск. Было ли возбуждено уголовное дело против Булатова или нет, установить не удалось.

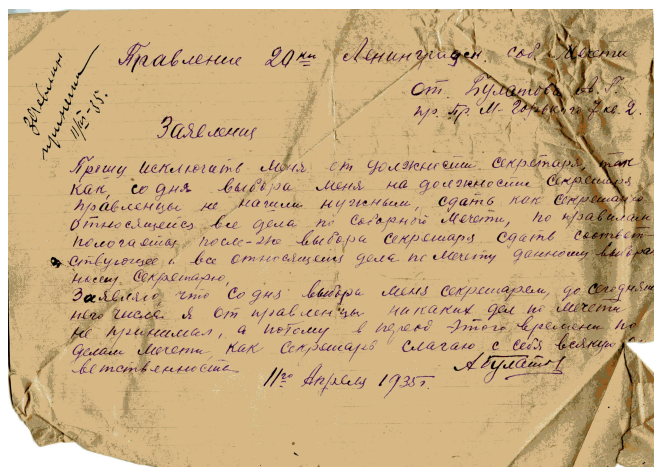

Рис. 2. Заявление А. Булатова в «двадцатку» ленинградской Соборной мечети, 1935 г. (Из фондов ГМИР)

Fig. 2. Abdrahaman Bulatov's appeal to the "twenty" (dvadtsatka) of the Leningrad Cathedral Mosque, 1935 (Courtesy of the State Museum of the History of Religion)

Спустя почти восемьдесят лет пытаться понять, насколько те или иные обвинения, звучавшие в адрес отдельных представителей «двадцатки», были обоснованы, – дело затруднительное и безнадежное. Поэтому задача иссле-

³⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 35. Следует отметить, что само собрание «двадцатки» могло состояться только с санкции районного инспектора по культам.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 75.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

дователя состоит не в том, чтобы принять на веру или отвергнуть аргументы одной из сторон, а в том, чтобы рассмотреть обстоятельства, которые делали возможными такие обвинения.

Среди тех, кто присутствовал на заседании «двадцатки» 19 июня 1935 г., был Хасан Ялышев, который среди прочих обвинял Булатова в хищении средств. В следующем, 1936 г., Ялышев сам обвинялся в том же преступлении, что и Булатов³⁶. Кроме того, в мечети была зафиксирована пропажа ковров, в которой также подозревался Ялышев.

Среди других злоупотреблений, к которым были причастны члены «двадцатки», можно упомянуть использование подставных лиц, на которых выписывались крупные суммы. Так, с 1 мая 1938 по 1 сентября 1939 г. для осуществления работ по ремонту мечети был привлечен столяр В.А. Голубков. Он в общей сложности получил 9 462 руб., но при этом большая часть работы им выполнена не была³⁷.

Члены комиссии, в очередной раз проверявшие состояние дел в мечети, выступили в мае 1936 г. с инициативой возбудить уголовное дело против всех членов «двадцатки»³⁸. Угроза нависла и над самим инспектором по религиозным культам при Петроградском райсовете Г.К. Кузьминым: его вызвали в НКВД и пригрозили уголовной ответственностью «за все дела в мечети, наравне с членами двадцатки»³⁹. Таким образом, чиновники, ответственные за надзор над религиозными объединениями, сами испытывали давление со стороны карательных органов.

Атмосфера внутри «двадцатки» в середине 1930-х гг. была крайне нездоровой. Взаимные подозрения и обвинения в мнимых и реальных преступлениях разобщали людей, затрудняли эффективное функционирование этого важного хозяйственного органа.

Случалось, что председатели «двадцатки» просили освободить их от занимаемой должности. Так было в случае с Хуснутдином Мещеревым, который в феврале 1936 г. подал заявление об уходе с должности председателя. Но «двадцатка» единогласно постановила просить Мещерева остаться, так как его нечем было заменить. Ему утвердили оклад 200 руб. в месяц – вдвое

³⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 107об.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 88.

³⁸ Там же. Л. 25.

³⁹ Там же. Л. 30.

больше, чем прежде⁴⁰. Но Мещерев вскоре оставил должность председателя и уехал в деревню. Сделал он это поспешно, не передав дела своему преемнику, так что членам «двадцатки» пришлось идти к нему на квартиру, чтобы забрать печать и документы⁴¹. Однако в дальнейшем Мещерев продолжал оставаться рядовым членом приходского совета мечети вплоть до своего ареста в 1938 г.⁴²

Рис. 3. Измаил Хамидуллин (Из семейного архива Ф.И. Хамидуллина)

Fig. 3. Izmail Khamidullin (Courtesy of F.I. Khamidullin's family archive)

бежал ареста (был арестован 25 июня 1938 г.⁴³).

2 июля 1938 г. состоялось собрание членов «двадцатки», на котором активисты общины пытались избрать нового председателя. Но желавших занять эту должность не нашлось. Те, кому оставшиеся члены «двадцатки» предлагали председательскую должность, брали самоотвод. Так, Тади Манеев, объясняя свой самоотвод, привел следующие аргументы: у него боль-

В августе 1936 г. председателем «двадцатки» был выбран Измаил Хамидуллин (1874–1957), имевший в мусульманской общине Ленинграда прозвище Конченбал. В качестве председателя «двадцатки» Хамидуллин проработал чуть меньше двух лет. Имеющиеся данные не позволяют оценить, насколько эффективна была деятельность Хамидуллина на этой в прямом смысле расстрельной должности. В условиях сужения материальной базы для «двадцатки» и усиливавшегося давления со стороны государства на мусульманскую общину города осуществлять хозяйственную деятельность религиозного объединения было крайне сложно. Но уже сам факт, что мусульманам в годы Большого террора удавалось не допустить закрытие мечети, является большим достижением. Сам Хамидуллин не сумел из-

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 107.

⁴¹ Там же. Л. 50.

⁴² Там же. Л. 188.

⁴³ Второй раз Хамидуллин был арестован в 1941 г. и приговором Особого совещания при НКВД 15.03. 1941 г. был приговорен к ссылке сроком на 5 лет.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

шая семья (6 человек), он очень занят, имеет инвалидность и работает днем. Близкие мотивы были у Шакира Мифтахитдинова: у него трое детей, а сам он – инвалид. Хуснутдин Еникеев сослался на занятость, а также на то, что он «очень нервный и плохую имеет память»⁴⁴. Взял самоотвод и Гайса Исхаков, занимавший при Хамидуллине должность секретаря «двадцатки». Он предложил назначить вместо себя Карима Измайлова, фигуру крайне неоднозначную. Как видно из документов, которые содержатся в деле о закрытии мечети, Измайлов был одним из основных обвиняемых в финансовых злоупотреблениях, которые происходили в мечети во второй половине 1930-х гг. В руках Измайлова фактически находились вопросы погребения на Татарском кладбище. Он монополизировал предоставление ритуальных услуг, требовал от родственников умерших большие деньги и грубо обращался с посетителями кладбища. В адрес «двадцатки» и контролирующих органов неоднократно поступали жалобы на Измайлова⁴⁵.

После ареста Хамидуллина новое правление «двадцатки» во главе с председателем Зарифуллой Шафиулиным избрало иную стратегию отношений с государством по вопросу о ремонте мечети и флигеля. С 10 июня 1938 г. по 26 ноября 1939 г. правление не давало никакого отчета органам, контролирующим проведение ремонта. Пять раз назначалось время для ревизии, но «двадцатка» не предоставляла документы и книги для ревизионной комиссии. Потребовалось привлечение милиции, чтобы изъять необходимую документацию.

Хамидуллин, недолго пробывший в заключении, вскоре вернулся в мечеть в качестве члена «двадцатки» и попытался навести порядок. Шафиулин в своей жалобе на имя А.В. Татаринцевой писал, что И. Хамидуллин и Г. Исхаков держат в руках печать «двадцатки», Хамидуллин ведет себя как председатель и не допускает его, Шафиулина, к делам мечети⁴⁶.

Конфликт между бывшим и действующим председателями «двадцатки» обострился летом 1939 г. 18 августа люди собрались во дворе мечети и стали требовать от Шафиулина открыть мечеть для богослужения. Но тот отказы-

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 71–72.

⁴⁵ Там же. Л. 91, 97, 108 и др.

⁴⁶ Там же. Л. 84об. Сравн.: «Оставшиеся люди из 20-ки числятся в количестве 12 чел., но надо сказать, что это подставные лица, орудуют там три человека, во главе с Хамид-Дулиным (халатник), а главным образом руководит нелегальный муазин, который не желает расстаться со своим ремеслом, независимо от того, что мною он неоднократно вызывался для переговоров» (Там же. Л. 96).

вался, ссылаясь на отсутствие зарегистрированного муллы или другого служителя культа⁴⁷. Тогда Хамидуллин, Манеев и Исхаков повели всех в помещение для омовений и стали просить верующих не шуметь и не привлекать к себе внимание. Во время этого стихийного собрания было выдвинуто предложение делегировать в Москву человека с целью добиться назначения муллы. Решили отправить Гайсу Исхакова. Прямо на месте было собрано 600 руб. «командировочных». Эти деньги без ведома председателя «двадцатки» и казначея Имаметдина Камалетдинова были переданы самому Исхакову. Шафиулин обратился к инспектору культов сектора адмнадзора общего отдела Ленгорсовета А.В. Татаринцевой с призывом вмешаться, изъять 600 руб. и передать их казначею мечети⁴⁸.

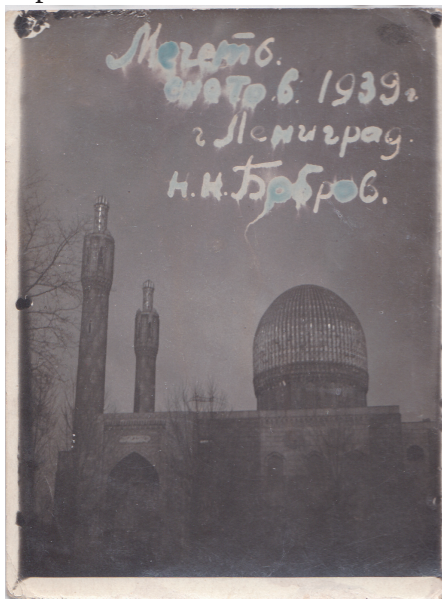

Рис. 4. Ленинградская Соборная мечеть, 1939 г. Фотограф: Н.Н. Бобров. (Из коллекции Р.И. Беккина)

Fig. 4. The Leningrad Cathedral Mosque in 1939. Photo by N.N. Bobrov (Courtesy of R.I. Bekkin's private collection)

Формально председатель «двадцатки» был прав. Но в условиях усиливавшегося давления на мусульман со стороны городских властей более оправданными выглядят действия Хамидуллина и его сторонников. Исхаков вынужден был написать на имя Татаринцевой объяснительную записку.

В сентябре 1939 г. в Ленинград все-таки прибыл мулла – Рафик Хусаинов. «Двадцатка» обратилась к Татаринцевой с ходатайством о его регистрации⁴⁹. Не вполне понятно, был ли он в итоге зарегистрирован или работал неофициально, но в любом случае в должности муллы Хусаинов проработал недолго: уже в начале 1940 г. перед общиной опять встал вопрос об имаме. Наступил финальный этап борьбы за мечеть между мусульманами и городскими властями.

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 223.

⁴⁸ Там же. Л. 223–224 об.

⁴⁹ Там же. Л. 226.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

Заккрытие мечети

1 февраля 1940 г. Гайса Исаков предоставил инспектору культов в Ленгорсовете необходимые документы, в том числе свидетельство ЦДУМ, позволявшее ему выполнять функции муэдзина. Однако Татаринцева ходатайство мусульманской общины рассматривать не стала. Тактика властей сменилась. Раньше они регистрировали новых служителей культа, а потом с помощью карательных органов «нейтрализовывали» их. Теперь же они затягивали под разными предложениями решение вопроса о регистрации новых имамов и муэдзинов и в то же время указывали на то, что мечеть функционирует без служителей культа.

Не забывали чиновники Ленгорсовета и направлять в мечеть инспекции. По результатам проверок в актах межведомственных комиссий по-прежнему продолжали фиксироваться невыполненные работы по ремонту зданий мечети и дворового флигеля. В акте от 8 мая 1940 г. содержалось заключение комиссии о необходимости принятия срочных мер для того, чтобы сохранить здание мечети от разрушения⁵⁰. В этом же акте было отмечено, что с 1938 г. не выполнена большая часть обязательств по ремонту⁵¹.

Мусульманская община предприняла несколько безуспешных попыток зарегистрировать Исакова⁵², но Ленгорсовет уже не планировал это делать, так как вопрос о закрытии мечети для богослужений был уже решен. Оставалось лишь документально его оформить.

8 июня 1940 г. на заседании Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся было решено «мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть»⁵³. В качестве обоснования этого решения приводились следующие аргументы: «В результате систематического невыполнения «двадцаткой» религиозного общества мусульман указаний междуведомственных комиссий (в 1935, 1936, 1937 и 1938 гг.) о производстве капитального ремонта здания мусульманской мечети на просп. Максима Горького д. №7 здание мечети находится в запущенном состоянии и разрушается. Проверкой хранения госфондового имущества установлена недостача ковров на сумму 1 539 руб.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 194.

⁵¹ Там же. Л. 193.

⁵² В результате сложилась следующая ситуация. Гайса Исаков выполнял роль неофициального муллы в мечети, а бывший казначей «двадцатки» Карим Измайлов также в качестве неофициального муллы совершал требы на Татарском кладбище в Волковой деревне и не допускал для совершения погребального обряда Исакова.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 19.

и ... налогов в госбюджет своевременно не производились. Представители «двадцатки» уклонялись от представления приход-расходных документов. «Двадцатка» фактически распалась»⁵⁴.

В общий отдел исполкома Ленгорсовета были вызваны все члены приходского совета, но явилось всего 5 человек. Они отказались расписываться, что ознакомились с постановлением о закрытии мечети⁵⁵.

27 июня 1940 г. в президиум Ленгорсовета поступила жалоба, в которой верующие просили зарегистрировать Г. Исхакова (в качестве муэдзина), а также недавно избранных членов «двадцатки»⁵⁶. Аналогичные требования содержались и в жалобе на имя прокурора СССР от 27 июня 1940 г.⁵⁷

Действующее законодательство о культурах (ст. 44 постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г.) позволяло в двухнедельный срок обжаловать решение о закрытии здания религиозного культа в Президиум Верховного совета РСФСР. В случае подачи жалобы в установленные законом сроки решение о закрытии мечети могло окончательно вступить в силу только после решения Президиума. Однако заведующая Общим отделом исполкома Ленгорсовета Тарасова ходатайствовала перед заместителем прокурора города Ленинграда об изъятии здания мечети, не дожидаясь решения совета. Она ссылаясь на то, что «двадцатки» не существует и не с кем решать дело⁵⁸. 10 августа 1940 г. в Ленгорсовете была получена санкция зампрокурора Ленинграда о закрытии мечети.

Среди подаваемых жалоб на решение Ленгорсовета от 8 июня 1940 г. заслуживает внимания один документ. 25 июня 1940 г. «двадцатка» обратилась к прокурору СССР с жалобой на Карима Измайлова. Перечисляя многочисленные злоупотребления с его стороны, приходской совет мечети ходатайствовал об отстранении его от заведывания кладбищем⁵⁹. В документе говорилось, что «верующие мусульмане не возражают против того, чтобы заведующим кладбищем был не татарин, а лицо иной национальности и иного вероисповедания»⁶⁰. Казалось бы, вопрос о кладбище был второстепенным на фоне проблемы закрытия мечети. Сложно сказать, чем руководствовались

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 179.

⁵⁵ Там же. Л. 162.

⁵⁶ Там же. Л. 124–125.

⁵⁷ Там же. Л. 126–128.

⁵⁸ Там же. Л. 162.

⁵⁹ Там же. Л. 120–120об.

⁶⁰ Там же. Л. 120об.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

мусульмане, поднимая этот вопрос перед властями в такой сложный период. Мотивов могло быть несколько. Во-первых, восстановление порядка на кладбище позволило бы усилить позицию «двадцатки», настаивавшей на необходимости утверждения Исхакова в качестве официального служителя культа: для проведения похоронного обряда требовался мулла. Во-вторых, жизнь шла своим чередом, люди умирали, и беспорядок в кладбищенских делах затрагивал многих верующих, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, поступавшие в «двадцатку» и в органы государственной власти.

Мусульмане продолжали бороться за мечеть до конца 1940 г. 2 сентября 1940 г. «двадцатка» обратилась в Президиум Верховного совета РСФСР с ходатайством об отмене решения Ленгорсовета о закрытии мечети и о регистрации в качестве муэдзина Гайсы Исхакова. Ходатайство удовлетворено не было. 10 сентября 1940 г. был составлен акт приемки здания мечети, в котором, в частности, отмечались следующие нерешенные проблемы: крыша нуждалась в ремонте, имелись протечки, стекла в оконных переплетах были частично пробиты, штукатурка требовала перетирки, центральное отопление и электрооборудование находились в стадии ремонта, в котельной много воды⁶¹.

В начале октября 1940 г. группа верующих мусульман обратилась с жалобой на имя председателя исполкома Ленгорсовета. В жалобе содержалось утверждение, что решение о закрытии мечети нарушает Конституцию СССР и действующее законодательство о культах⁶².

27 января 1941 г. Президиум Верховного совета РСФСР утвердил решение исполкома Ленинградского городского совета от 10 июня о закрытии мечети и согласился с рекомендацией передать ее здание, представляющее художественную ценность, «под культурно-просветительское учреждение»⁶³. Но в итоге в мечети обосновался Ленгорздравотдел⁶⁴.

Закономерно поставить вопрос: как проходила жизнь ленинградских мусульман после закрытия Соборной мечети? На период между 10 июня 1940 г. и началом блокады Ленинграда пришлось два мусульманских праздника: в конце октября 1940 г. отмечался Ураза-байрам, 7 января 1941 г. Курбан-

⁶¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 180. Примечательно, что деньги в кассе мечети имелись. Акт от 31 марта 1940 г.: Приход 75831 руб., Расход 56512 руб. остаток наличности 19 318 руб. (Там же. Л. 88).

⁶² Там же. Л. 187.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 48. Л. 235.

⁶⁴ Материалы о работе уполномоченного СДПК при СМ СССР по Ленинградской области (1949–1951). ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 740. Л. 4.

байрам. Где проходили праздничные богослужения, доподлинно неизвестно. Но принимая во внимание то обстоятельство, что с 1945 г. праздничные и пятничные намазы проводились на Татарском кладбище в Волковой деревне, можно с большой долей вероятности предположить, что подобная практика имела место и в 1940–1941 гг.

В 1940-е гг. Волкова деревня была окраиной Ленинграда. Общественный транспорт не ходил до самого кладбища, и верующие преодолевали пешком расстояние примерно в 3 км от ближайшей трамвайной остановки⁶⁵. Само кладбище к моменту закрытия мечети, по свидетельству современников, находилось в плачевном состоянии⁶⁶. Ответственным за такое положение дел был во многом Карим Измайлов, который, как уже было отмечено выше, фактически монополизировал выполнение похоронного обряда для мусульман в Ленинграде. Неизвестно, удалось ли Измайлову удержать свои позиции после того, как религиозная жизнь ленинградских мусульман переместилась из мечети на кладбище. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 22 июля 1942 г. Измайлов был осужден по ст. 58–10 и 121 УК РСФСР на 5 лет концлагеря.

В годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда праздничные и пятничные богослужения на кладбище не проводились. Но по окончании войны эта практика возобновилась. Татарское кладбище продолжило служить для мусульман Ленинграда и его пригородов местом проведения богослужений вплоть до возвращения здания Соборной мечети верующим в 1956 г.

Литература

1. Беккин Р.И. «Я мог бы бежать и в Финляндию» (История одного несостоявшегося побега Мусы Бигеева). *Гасырлар авазы=Эхо веков*. 2018;(4):88–102.
2. Беккин Р.И. «К татарам советская власть относится плохо...» (Судьба имама Я.К. Халекова). *Уральский исторический вестник*. 2018;1(58):82–90.
3. Беккин Р.И. Имам Якуб Халеков и мусульманская община советского Петрограда–Ленинграда. *Российская история*. 2017;(1):148–156.
4. Беккин Р.И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М.С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года. *Новейшая история России*. 2019;9(4):1058–1072.
5. Баруди Г. *Памятная книжка*. Казань: Иман; 2000. 148 с.

⁶⁵ Дело об открытии мечети в Ленинграде (1952–1954). ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 83. Л. 10.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 37. Л. 124.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

6. Беккин Р.И. Мусульманская община Кронштадта XIX – начала XX в. *Гасырлар авазы=Эхо веков*. 2016;(1/2):238–245.

7. Беккин Р.И. Муса Бигеев как лидер мусульманской общины Петрограда (по материалам писем Мусы Джаруллаха Бигеева к Мухаммед-Алиму Максудову). *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2017;(7):227–235.

8. Zaripov I.A., Belyaev R.F. «Our Religious Mentor»: Musa Bigeev and the Tatars in Finland. *Studia Orientalia Electronica*. 2020;8(2):40–55.

9. Bekkin R.I. Connections between Tatars in Petrograd-Leningrad and Finland during the 1920s and 1930s. *Studia Orientalia Electronica*. 2020;8(2):56–69.

10. Одинцов М.И. Все религиозные организации мусульман находятся накануне полного разрушения. *Отечественные архивы*. 1994;(1):67–75.

11. *Ислам в Петербурге: Энциклопедический словарь*. М.–Н. Новгород: Медина; 2009. 307 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3382>. (дата обращения: 30.07.2021)

References

1. Bekkin R.I. “Ya mog by bezhat’ i v Finlyandiyu” (Istoriya odnogo nesostoyavshegosya pobega Musy Bigeeva) [“I could have escaped to Finland” (The story of one failed escape of Musa Bigeev)]. *Gasyrlar avazy=Ekho vekov* [Gasyrlar avazy=Echo of centuries]. 2018;(4):88–102. (In Russian)

2. Bekkin R.I. “K tataram soveteskaya vlast’ otноситsya ploho...” (Sud’ba imama Ya.K. Halekova) [“The Soviet government treats the Tatars badly...” (The fate of Imam Ya.K. Khalekov)]. *Ural’skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal]. 2018;1(58):82–90. (In Russian)

3. Bekkin R.I. Imam Yakub Halekov i musul’manskaya obshchina sovetskogo Petrograda–Leningrada [Imam Yakub Khalekov and the Muslim community of Soviet Petrograd-Leningrad]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2017;(1):148–156. (In Russian)

4. Bekkin R.I. “Rabochie mne ugrozhali ubijstvom za naznachenie Bayazitova...”: M.S. Bayazitov i delo leningradskih mull 1932 goda [“The workers threatened me with murder for the appointment of Bayazitov...”: M.S. Bayazitov and the case of the Leningrad mullahs in 1932]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2019;9(4):1058–1072. (In Russian)

5. Barudi G. *Pamyatnaya knizhka* [Commemorative book]. Kazan: Iman; 2000. 148 p. (In Russian)

6. Bekkin R.I. Musul’manskaya obshchina Kronshtadta XIX – nachala XX v. [Muslim community of Kronstadt in the 19th – early 20th centuries]. *Gasyrlar*

avazy=*Ekho vekov* [Gasyrlar avazy=Echo of centuries]. 2016;(1/2):238–245. (In Russian)

7. Bekkin R.I. Musa Bigeev kak lider musul'manskoj obshchiny Petrograda (po materialam pisem Musy Dzharullaha Bigeeva k Muhammed-Alimu Maksutovu) [Musa Bigeyev as the leader of the Muslim community of Petrograd (based on the letters of Musa Jarullah Bigeyev to Muhammad-Alim Maksutov)]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From history and culture of Peoples of the Middle Volga region]. 2017;(7):227–235. (In Russian)

8. Zariipov I.A., Belyaev R.F. "Our Religious Mentor": Musa Bigeev and the Tatars in Finland. *Studia Orientalia Electronica*. 2020;8(2):40–55.

9. Bekkin R.I. Connections between Tatars in Petrograd-Leningrad and Finland during the 1920s and 1930s. *Studia Orientalia Electronica*. 2020;8(2):56–69.

10. Odincov M.I. Vse religioznye organizacii musul'man nahodyatsya nakanune polnejshego razrusheniya [All Muslim religious organizations are on the eve of complete destruction]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives]. 1994;(1):67–75. (In Russian)

11. *Islam v Peterburge: Enciklopedicheskij slovar'* [Islam in St. Petersburg: Encyclopedic Dictionary]. Moscow – Nizhny Novgorod: Medina; 2009. 307 p. [Electronic source]. Available at: <http://www.idmedina.ru/books/encyclopedia/?3382> (Accessed: 30.07.2021). (In Russian)

Информация об авторе

Беккин Ренат Ирикович, профессор РАН; доктор экономических наук, Ph.D. in Religious Studies, кандидат юридических наук, профессор, Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Renat I. Bekkin, Professor of the Russian Academy of Sciences; D.Sc. in Economics, Ph.D. in Religious Studies, Cand. Sc. in Law; Professor at the Institute of Oriental Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, the Russian Federation; Leading Research Fellow at the Institute for African studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation.

Беккин Р.И.
«Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...»
(Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.)

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 августа 2021
Одобрена рецензентами: 24 августа 2021
Принята к публикации: 15 сентября 2021

Article info

Received: August 1, 2021
Reviewed: August 24, 2021
Accepted: September 15, 2021